

М. Сперанский

История древней русской литературы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Сперанский**
История древней русской литературы / М. Сперанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 609 с.

ISBN 978-5-519-19476-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1914 года.

ISBN 978-5-519-19476-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- II. Начало московской литературы (363). Сказанія о Мамаевщинѣ (363). Сосѣдскія отношенія: византійское вліяніе въ XIII—XIV в. (367), юго-славянское (368), Литва, Новгородъ (369).
- III. Начало рационализма (371). Судьба византійскаго вліянія (374), отношенія къ Западу (375). „Черная“ смерть на Западѣ и на Руси (376). Стригольничество (379).
- IV. Ересь жидовствующихъ (381). Роль Новгорода (385), еврейства (385). Геннадій Новгородскій (388). 1492 годъ (391). Западное вліяніе въ ереси жидовствующихъ, общій ея характеръ (395). Противоеврейская литература (398): Іосифъ Волоцкій (400). Дмитрій Герасимовъ (401). Литература жидовствующихъ (406).
- V. Московская идеологія (408), ея литературное выраженіе (410). Повѣсти XV—XVI вѣка (413), устная словесность (418).
- VI. Второе юго-славянское вліяніе (420). Евфиміевская эпоха въ Болгаріи и ея отзвуки на Руси (421). Панегирическое направленіе (427). Византійскій мистицизмъ и рационализмъ на Руси (428). Нилъ Сорскій (432).
- VII. Вопросъ объ исправленіи книгъ (445). Старая русская письменность и „Тырновскіе“ изводы (446). Максимъ Грекъ (448).
- VIII. Публицистическое теченіе XVI в.: Максимъ Грекъ (454), Иванъ Грозный (468), Иванъ Пересвѣтовъ (474).
- IX. Литература и дѣятельность консервативной группы Московскаго общества: Стоглавъ (477), митр. Макарій (480), Домострой (495). Итоги XVI вѣка (498).
- X. Западное теченіе (499) Его вліяніе на измѣненіе литературныхъ взглядовъ въ старой литературѣ (501). Хронографъ 2-й редакціи (503). Великое Зерцало (506). Римскія дѣянія (512). Аполлсній Тирскій (517). Чешское вліяніе (520). Страсти Христовы (523).
- XI. Начало юго-западной литературы (525). Вопросъ о малорусской народности и литературѣ (528). Бѣлорусское племя и Литовско-русское государство (532). Юго-западная Русь, Польша и Московская Русь (538).
- XII. Выработка особенностей юго-западной литературы: національно-религіозный характеръ ея (544). Переводы св. писанія на народный языкъ (548). Полемическая литература (550), проповѣдническая (551). Дѣятели юго-западной литературы: А. Курбскій (553), кн. Острожскіе (555), Иванъ Федоровъ (561), Іоаннъ Вишенскій (562).
- XIII. Школы и братства на юго-западѣ (562) и школа въ Москвѣ (565). Ф. М. Ртищевъ (565). Литературный языкъ Московскій XVII вѣка (568).
- XIV. Западное и юго-западное вліяніе въ Москвѣ (572). Драма (573). Старообрядство (578).
- XV. Итоги московской литературы (581).
- Указатель.
- Пособія.
-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія русской литературы, какъ одного изъ крупнѣйшихъ явленій общей культурной исторіи русскаго народа, подобно послѣдней стоитъ въ тѣсной связи съ историческимъ прошлымъ народа, подобно послѣдней отмѣтила въ своемъ развитіи рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, въ зависимости отъ тѣхъ общекультурныхъ и историческихъ въ узкомъ смыслѣ слова факторовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло историкѣ русской жизни вообще.

Представляя картину непрерывнаго развитія, русская литература такъ же, какъ и русская жизнь вообще, въ различное время выдвигала въ своемъ содержаніи, идейномъ и фактическомъ, различныя стороны русской жизни, смѣнявшія въ качествѣ характерныхъ другъ друга.

На основаніи этого является возможнымъ при изученіи исторіи русской литературы, слѣдя за ея послѣдовательнымъ развитіемъ, распределять эти явленія по періодамъ, характеризуя каждый изъ нихъ по тѣмъ основнымъ условіямъ, которыя имѣли мѣсто въ то или иное время этой литературной жизни, памятуя, однако, постоянно, что эти намѣчаемые нами періоды выдѣлены нами лишь въ интересахъ болѣе удобнаго, правильнаго освѣщенія общаго непрерывнаго развитія русской литературы, т.-е., лишь въ интересахъ метода.

Съ этой точки зрѣнія и на основаніяхъ, которыя будутъ указываемы всякій разъ въ своемъ мѣстѣ, исторію русской литературы мы дѣлимъ на древнюю и новую; опредѣляя хронологически эти два періода, гранью между ними мы можемъ считать вторую половину XVII вѣка, какъ отмѣченную окончательнымъ выясненіемъ новаго западно-европейскаго теченія въ жизни русскаго племени и его литературы. Начальной же эпохой древняго періода литературы, имѣя въ виду нашу христіанскую письменную, мы можемъ считать появленіе въ нашей жизни новаго общаго фактора нашей культуры, христіанства, иначе—

конецъ X и начало XI вѣка. Т. о. древній періодъ нашей литературы охватить собою время съ X до половины XVII вѣка. На пространствѣ шести съ половиной вѣковъ своего развитія литература испытала рядъ видоизмѣненій, въ значительной степени обусловившихъ собою тѣ явленія, съ которыми приходится имѣть дѣло изслѣдователю новой литературы съ конца XVII в. вплоть до нашего времени. Въ зависимости отъ этихъ видоизмѣненій, вызванныхъ въ свою очередь измѣненіями въ культурныхъ условіяхъ русской жизни съ X по XVII вѣкъ, возможно дѣленіе и древняго періода литературы на два по крайней мѣрѣ: первый, условно называемый Кіевскимъ, и второй—Московскимъ. Хронологически первый изъ нихъ укладывается въ промежутокъ времени отъ конца X вѣка и приблизительно до половины XIII-го; второй, стало-быть, съ этого времени—и до второй половины XVII-го ¹⁾.

Такое дѣленіе, условное и приблизительное, представляется наиболѣе удобнымъ, какъ по существу дѣла, такъ и въ методологическомъ отношеніи и въ отношеніи научнаго изложенія въ предѣлахъ времени, которымъ располагаетъ исторія древней русской литературы въ системѣ предметовъ университетскаго курса.

¹⁾ См. также М. Сперанскаго. Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды въ „Рус. Фил. Вѣстн.“ 1896 г. № 3—4.

Кіевскій періодъ.

Введеніе въ исторію русской древней литературы.

Кіевскій періодъ книжной русской литературы, какъ сказано выше, начальный ея періодъ, но онъ не начальный въ тоже время періодъ русской жизни и русской словесности: и до X вѣка существовало русское племя и имѣло свою словесность, но не писанную, а устную. Жизнь кіевского періода литературы стояла въ зависимости отъ культурныхъ условій, отличныхъ въ значительной степени отъ современныхъ намъ и извѣстныхъ намъ. А потому прежде, чѣмъ непосредственно перейти къ ознакомленію съ тѣми литературными фактами, которые относятся къ этому времени, необходимо, конечно, обладать нѣкоторыми подготовительными свѣдѣніями въ области исторіи русскаго племени, какъ носителя литературы, его культуры, исторіи науки, ея методовъ. Въ силу этихъ соображеній курсу кіевской литературы и предпосылаются эти свѣдѣнія, которыя въ цѣломъ могутъ быть названы „Введеніемъ въ исторію древней русской литературы“. Только послѣ такого „Введенія“ станетъ возможнымъ болѣе или менѣе правильное научное отношеніе къ фактамъ, имѣющимъ мѣсто въ исторіи древней литературы. Поэтому обращаемся прежде всего къ тому, что мы назвали „Введеніемъ“, и постараемся теперь же подробнѣе объяснить себѣ, почему подобное введеніе нужно, и что оно должно въ себѣ заключать.

Самыя простыя, естественныя соображенія будутъ, конечно, таковы: передъ нами лежитъ задача—изучить древне-русскую литературу, ту литературу, которая отдѣлена отъ нашего времени цѣлымъ рядомъ столѣтій. За этотъ рядъ столѣтій, само собой разумѣется, какъ русская жизнь, такъ и русская литература сравнительно съ теперешнимъ временемъ значительно измѣнились и измѣнились настолько, что даже самый литературный языкъ древней Руси рѣзко отличается, какъ по своимъ основаніямъ, такъ и по характеру отъ современнаго намъ литературнаго языка, такъ что приходится отдѣльно изучать этотъ языкъ

древней Руси. Затѣмъ, самыя условія жизни, отраженіемъ которыхъ является эта литература, разумѣется, также рѣзко измѣнились сравнительно съ нашимъ временемъ, т.-е. жизнь X, XI и XII вѣковъ уже рѣзко отличается отъ жизни XIX и XX столѣтій. Поэтому естественно, что, изучая древне русскую литературу, мы изучаемъ область, которая для насъ, современныхъ людей, является въ большинствѣ случаевъ чуждой. Въ силу того, что, какъ всякую чуждую область приходится изучать, уже обладая до извѣстной степени подготовкой, специальными познаніями, такъ и въ данной области приходится остановиться въ этомъ специальномъ небольшомъ „Введеніи“ на этихъ подготовительныхъ данныхъ, безъ которыхъ мы не можемъ приступить къ изученію этого въ значительной степени чуждаго намъ по своему строю и характеру періода кіевской литературы. Это одно соображеніе.

Другое соображеніе такого рода. Кіевскій періодъ является началомъ нашей литературной исторіи. Если мы пожелаемъ излагать научно эту литературную исторію, то мы несомнѣнно должны обладать нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, элементарными научными приемами, научными методами, безъ выясненія которыхъ, конечно, мы не будемъ въ состояніи отнестись сознательно къ тѣмъ фактамъ, тѣмъ явленіямъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло. Слѣдовательно, извѣстная методологическая подготовка должна предшествовать непосредственному изученію литературы.

Наконецъ, въ-третьихъ, кіевская древняя литература представляетъ значительныя трудности для ея изученія и сама по себѣ. Эти трудности заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Не говоря уже о томъ, что эта литература излагается на языкѣ, который отошелъ для насъ совершенно въ область исторіи, и для того, чтобы понимать этотъ языкъ, нужно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи литературнаго русскаго языка, мало этого: русская древняя литература, какъ всякая древняя литература, отличается тѣмъ, что число источниковъ, которые даютъ о ней свѣдѣнія, крайне ограничено сравнительно съ тѣми требованіями, съ тѣми стремленіями, которыя мы предъявляемъ къ изученію литературы въ наше время. Число памятниковъ, особенно древней эпохи, тѣмъ меньше, чѣмъ періодъ древнѣе. Стало быть, намъ приходится работать при чрезвычайно трудныхъ условіяхъ. Наша же задача—установить по возможности ясную и полную картину литературнаго и культурнаго развитія Россіи между X—XIII вѣками, т.-е., за періодъ времени значительный. Но отъ этого періода до насъ дошло лишь незначительное количество источниковъ, при чемъ эти источники отличаются большой отрывочностью и неполнотой. Поэтому намъ приходится особенно внимательно и старательно изучать эти источники, чтобы за-

ставить ихъ сказать то, что намъ нужно, т.-е.: работа надъ первоисточниками древняго періода должна быть очень интенсивна. Отъ эпохи кіевскаго періода X—XIII вѣковъ дошло до насъ чрезвычайно мало рукописей, т.-е. письменныхъ памятниковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они явились и жили въ то время. Объясняется это совершенно естественно: памятники эти когда-то, быть можетъ, и довольно многочисленные, съ теченіемъ времени утрачиваются, гибнутъ, измѣняются и т. д. Въ результатъ, теперь ихъ можно перечислить по пальцамъ. Въ данномъ случаѣ, мы говоримъ о тѣхъ памятникахъ, которые въ самомъ текстѣ относятся къ кіевскому періоду, т.-е. о такихъ, которые мы имѣемъ въ подлинномъ ихъ видѣ. Большинство же памятниковъ, которые дошли до насъ и могутъ быть отнесены къ кіевскому періоду, дошло съ позднѣйшими измѣненіями, въ копіяхъ позднѣйшаго времени, которое, естественно, наложило на нихъ извѣстный отпечатокъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы русскую лѣтопись, о которой въ любомъ школьномъ учебникѣ мы найдемъ такое опредѣленіе: „Русская лѣтопись — памятникъ XI столѣтія“, т.-е. того времени, когда у насъ начали записывать событія. Явилась лѣтопись, дѣйствительно, въ XI вѣкѣ; но у насъ нѣтъ въ рукахъ ни одного текста ея отъ XI столѣтія. Самый древній текстъ, дошедшій до насъ, относится только ко второй половинѣ или даже къ концу XIV вѣка ¹⁾. Стало быть, чѣмъ была лѣтопись въ XI, XII, XIII и въ началѣ XIV вѣка, намъ приходится заключать по такимъ позднимъ (и то рѣдкимъ) матеріаламъ, какъ рукописи XIV вѣка. Отсюда слѣдуетъ, что только тогда, когда мы научно проанализируемъ эти сравнительно позднія рукописи и увидимъ, что въ нихъ позднее, и что раннее, мы тогда только можемъ сказать, что представляла лѣтопись XI вѣка. Большинство же лѣтописей дошло до насъ въ спискахъ XV и XVI, главнымъ образомъ XVII вѣковъ. Стало быть, число искаженій и измѣненій, которымъ путемъ переписыванія подверглись первоначальные памятники, будетъ очень велико, а по этимъ-то спискамъ намъ приходится судить о первоначальномъ видѣ памятника. Такимъ образомъ, изученіе литературы кіевскаго періода литературы осложнено и состояніемъ самого матеріала и его размѣровъ. Изученіе же матеріаловъ, находящихся въ подобномъ состояніи, требуетъ, разумѣется, извѣстныхъ подготовительныхъ работъ и знаній, и этими подготовительными знаніями должны обладать не только изслѣдователи древней литературы непосредственно, но и тѣ, которые изучаютъ литературу по чужимъ изслѣдованіямъ. Эти же подготовительныя знанія, основанныя на

¹⁾ Таковы: Лаврентьевскій списокъ 1377 года, Ипатскій конца XIV в.; старѣйшій по времени лѣтописный текстъ—Новгородскій, конца XIII в. есть, какъ лѣтопись мѣстная, переработка обще-русскихъ сводовъ.

методологическомъ научномъ знакомствѣ съ цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ наукъ, будутъ имѣть свое истинное значеніе только тогда, когда мы будемъ имѣть представленіе о самихъ этихъ вспомогательныхъ наукахъ: иначе, вѣдь, невозможно сознательное отношеніе къ самому предмету изученія.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни подошли къ изученію начальнаго періода русской литературы, то введеніе, о которомъ только что говорилось, является необходимымъ.

Затѣмъ, самая разработка методовъ изученія, приѣмовъ изслѣдованія, которые мы имѣемъ изъ другихъ вспомогательныхъ наукъ для того, чтобы сознательно отнестись къ древней русской литературѣ, показываетъ, что всѣ эти приѣмы и методы складывались постепенно и продолжаютъ развиваться до настоящаго времени. Съ тѣхъ поръ, какъ научно начали изучать древне-русскую литературу, эти методы, по сравненію съ настоящимъ временемъ, значительно измѣнились. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы въ XX столѣтіи всѣ данныя старой литературы были уже окончательно освѣщены и переработаны примѣнительно къ современнымъ намъ требованіямъ. Кроме того, многое, что добыто было наукой въ старое время, остается цѣннымъ и правильнымъ и въ настоящее время. Поэтому, если на основаніи этихъ старыхъ методовъ нельзя строить настоящую современную методологію, все-таки, изучая древне-русскую литературу (да и любую литературу), намъ приходится дѣйствовать, имѣя въ рукахъ не только труды новѣйшіе, но и труды предшествующихъ эпохъ, которые созданы на основаніи другихъ условій въ жизни науки, подъ другимъ угломъ зрѣнія. Поэтому, прежде, чѣмъ воспользоваться этими трудами, необходимо умѣть къ нимъ отнестись критически, необходимо для себя установить, что въ нихъ дѣйствительно цѣнно для нашего времени, и что должно быть оставлено, какъ уже отжившее. Приведемъ примѣръ. Есть взглядъ, который долгое время держался и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще держится, взглядъ на народную устную словесность: если возьмемъ какой-нибудь учебникъ (Галахова, Порфирьева, или какой-либо другой), который теперь распространенъ въ школахъ, то увидимъ, что тамъ исторія литературы русской начинается съ такъ называемой „народной“, или „устной“, словесности: первая глава такихъ учебниковъ всегда посвящена „народной русской словесности“. Естественно, что едва ли многіе изъ учащихся отдавали себѣ отчетъ въ томъ, почему мы начинаемъ изученіе исторіи русской литературы именно съ „народной“, „устной“ словесности. Въ подобныхъ руководствахъ рассказываютъ, что народная словесность, это—одна изъ замѣчательныхъ отраслей русской литературы, говорятъ, что она древнѣйшая для того-

времени, и что до письменности была уже устная народная словесность, что до того времени, когда русскіе приняли христіанство, т.-е. въ концѣ X вѣка, въ то время эта устная словесность уже существовала, и т. п. При этомъ во многихъ учебникахъ указывается, какія неисчерпаемыя богатства имѣетъ древняя устная народная словесность. Все это очень опредѣленно, какъ будто и убѣдительно. Но на самомъ дѣлѣ: нужно ли начинать именно съ устной народной словесности исторію русской литературы? Оказывается, что это, съ строго научной точки зрѣнія нашего времени, подлежитъ большому сомнѣнію. Можно начать съ устной литературы только тогда, когда мы убѣдились, что *та* словесность, которую мы теперь знаемъ подъ именемъ „устной“, „народной“, и о которой говоритъ учебникъ, дѣйствительно, древнѣйшая, и что въ этомъ самомъ видѣ она существовала еще до начала нашей письменности, а въ этомъ-то и приходится усомниться. „Устную“, „народную“ словесность мы узнаемъ только въ наши дни, когда стали записывать хранящіяся въ памяти народа пословицы, пѣсни, сказки, поговорки и т. д. Стало быть, исходя изъ взгляда учебника, мы должны допустить, что мы имѣемъ передъ собой памятники дохристіанскаго періода русской жизни, лишь записанные въ наши дни. Естественно, возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли это—остатки словесности, которые, какъ бы окаменѣвшіе, сохранялись у народа въ неизмѣнномъ видѣ и въ такомъ видѣ дошли до насъ? Дѣло въ такомъ случаѣ представляется такъ, что, тогда какъ условія народной жизни измѣнялись и не разъ, словесность—это отраженіе жизни—осталась все та же—съ ея мифологіей, съ ея поклоненіемъ солнцу и т. д. Это во всякомъ случаѣ представляется даже а ргіогі страннѣе. Объясненіе же появленія же такого взгляда въ наукѣ, а затѣмъ въ школьномъ учебникѣ заключается въ слѣдующемъ. То мнѣніе, которое напрасно распространяютъ въ школьныхъ учебникахъ русской словесности, есть не болѣе, какъ одно изъ переживаній въ русской наукѣ. Справившись въ исторіи изученія русской литературы, мы узнаемъ, что былъ въ началѣ этого изученія періодъ, когда у насъ господствовала такъ называемая мифологическая школа (30—60 гг. XIX ст.), когда въ наукѣ и отчасти въ обществѣ пользовалось голословно признаніемъ мнѣніе, что все, что идетъ изъ устъ народа, есть подлинная самобытная, доисторическая русская „народная“ словесность; поэтому тогда считали какую-нибудь сказку, на примѣръ, исконнымъ самобытнымъ произведеніемъ русскаго народа, выражающимъ его еще дохристіанскія воззрѣнія. Только въ силу такой романтической вѣры въ незыблемость обычаевъ, народныхъ воззрѣній и въ силу, можетъ быть, похвальной любви къ этому простому, тогда обездоленному, крѣпостному народу, можно было примириться съ этимъ воззрѣніемъ. Но эта

посылка, ничего общаго не имѣющая съ научнымъ изслѣдованіемъ, легла въ качествѣ краеугольнаго камня въ основу изложенія нашей литературы въ прежнее время, да такъ и осталась въ основѣ нашихъ учебниковъ, какъ фактъ, якобы не подлежащій сомнѣнію, фактъ якобы научный. На дѣлѣ же, когда мы научнѣе стали изслѣдовать литературу, оказалось иное. Дошедшая до насъ въ устахъ простаго народа литература записана, главнымъ образомъ, въ XIX вѣкѣ, начиная съ 30-хъ его годовъ. Мы знаемъ теперь точнѣе условія, при которыхъ она дожила до нашего времени отъ прежняго. Оказывается, народъ вовсе не былъ никогда какой-то гранитной скалой, мимо которой проходили всѣ ураганы жизни, не затрогивая ее. Въ народѣ въ разное время появлялся интересъ къ самымъ различнымъ сторонамъ жизни и культуры, въ народъ проникала грамотность и проникала довольно глубоко, проникали устные и письменные источники отъ другихъ народовъ и т. д. Словомъ—жизнь, интересы народныхъ массъ постоянно мѣнялись. Въ результатѣ получается, что теперешнее міровоззрѣніе народа является далеко не самостоятельнымъ, не такимъ чистымъ, безъ всякой примѣси, архаическимъ, древнимъ міровоззрѣніемъ. На дѣлѣ то, что мы считали въ „устной“ народной словесности исконно русскимъ, считали выраженіемъ мифологіи, какъ дохристіанскихъ вѣрованій и быта, является наслоеніемъ болѣе поздняго времени уже на исторической основѣ. Тѣ народныя былины, въ которыхъ видѣли какую-то мифологію доисторическаго русскаго народа, съ поклоненіемъ небеснымъ свѣтиламъ, оказываются произведеніями далеко не такого древняго времени. Мы видимъ, что цѣлый рядъ былинъ и ихъ отдѣльныхъ чертъ, считавшихся доисторическими, въ лучшемъ случаѣ восходятъ къ XVI вѣку, а иногда и ко времени и болѣе позднему. Естественно, что только отсутствіе строго научныхъ методовъ въ прежнее время и могло привести къ такимъ заключеніямъ изслѣдователя 30-хъ и 40-хъ годовъ. Но, съ другой стороны, намъ приходится пользоваться какъ разъ такими данными, которыя были разработаны въ эту романтическую эпоху и, если мы не воспользуемся этими данными, то можемъ пропустить нужное для насъ, можемъ пройти мимо матеріала, годнаго и при современныхъ научныхъ методахъ.

Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ качествѣ одной изъ составныхъ частей „Введенія“ въ исторію древне-русской литературы или вообще въ исторію литературы должно входить также изученіе исторіи развитія самой этой науки. Отсюда же выясняется и планъ „Введенія“ въ научную исторію литературы. Говоря въ общемъ о планѣ „Введенія“ въ изученіе русской литературы и, въ данномъ случаѣ, преимущественно древней литературы, можно сказать, что это введеніе должно состоять,